

Г. А. Некрасова (*Сыктывкар*)

К вопросу о дефектных парадигмах существительных в пермских языках¹

В грамматических описаниях пермских языков отмечаются различия в парадигмах склонений одушевленных и неодушевленных существительных. В большинстве работ по удмуртскому языку указывается, что «имена существительные, обозначающие одушевленные предметы, склоняются только по субъектно-объектным падежам. Лишь названия человека по профессии или отрасли работы принимают и формы ряда местных падежей», инессива, элатива, иллатива [ГСУЯ: 86]. Аналогично представлено описание особенностей склонения диалектов, лишь в некоторых северных говорах часть одушевленных существительных склоняется по приблизительно-местным падежам (см., например: [Архипов 1978: 16-17; Насибуллин 1972: 86; Насибуллин 1978: 96-97; Карпова 1998: 90-91 и др.]). Однако в некоторых работах приведены формы отдельных или большинства местных падежей одушевленных существительных (см., например: [Емельянов 1927: 127; Удморт 1924: 35, 37, 43; Каракулова, Каракулов 2001: 103-104]).

Отличия в склонении одушевленных и неодушевленных существительных присущи и коми языку. Считается, что существительные, обозначающие одушевленные предметы, не употребляются в пролативе, ограничены в употреблении в инессиве, элативе, иллативе, терминативе, употребляются при обозначении профессии, должности, но не употребляются в пространственных значениях [СКЯ: 138, 153]. Особенности склонения одушевленных существительных отмечены также в обобщающих и специальных работах по пермским и в целом финно-угорским языкам. Так, например, в «Основах финно-угорского языкознания» указывается, что одушевленные существительные пермских языков не употребляются в пролативе, а в инессиве, элативе, иллативе, эгрессиве и терминативе ограничены в употреблении (встречаются лишь при обозначении профессии, должности) [Основы 1976: 144]. А. И. Кузнецова [2005: 91], рассматривая дефектные парадигмы в некоторых уральских языках, отмечает, что одушевленные существительные удмуртского языка имеют дефектные парадигмы: отсутствуют формы инессива, иллатива, элатива, эгрессива,

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-04-41401 а/С. Автор статьи выражает благодарность доктору философии Л. Л. Карповой за предоставленную консультацию по удмуртскому языку.

пролатива, аллатива (имеется ввиду аппроксиматив), терминатива, то есть формы всех местных падежей. Действительно ли все одушевленные существительные в пермских языках имеют дефектные парадигмы?

В лингвистической литературе морфологическая парадигма представлена обычно «как таблица форм, устанавливающая соответствие записанных в ее левой части грамматических значений обозначенным в правой части средствами их выражения... Структура парадигмы определяется инвентарем грамматических категорий, характеризующих отдельную часть речи и взаимосвязи их грамматических значений [Кубрякова 2000: 366]. Морфологическая парадигма отражает реализацию грамматических категорий отдельной части речи. В данном случае будет рассматриваться реализация категории падежа только одушевленными существительными, но не отдельно каждой лексемы, а определенных групп со значением «лицо» и «нелицо». Деление одушевленных существительных на эти группы основывается на наличие лексико-семантического разряда лица/нелица, выделяемого в удмуртской диалектологии. В состав группы со значением «лицо» входят названия, обозначающие людей, а со значением «нелицо» – все неодушевленные, а также остальные одушевленные существительные, обозначающие животных, птиц, рыб, насекомых и др. [Кельмаков 1998: 124]. Точное число звеньев (позиций, клеток) в парадигме склонения пермских языков известно: количество падежей в коми-зырянских диалектах варьируется от 16 до 23, в коми-пермяцких от 19 до 27, в удмуртских – от 12 до 21 [Кельмаков 1998: 117; Некрасова 2004: 5]. Поэтому для характеристики парадигмы одушевленных существительных необходимо указать только набор представленных в ней грамматических форм, а также наличие / отсутствие пустых клеток. Парадигма, имеющая хотя бы одну пустую клетку, считается дефектной. Одновременно с установлением парадигмы склонения одушевленных существительных попытаемся выяснить функционально-семантическую парадигму каждой грамматической формы, то есть какие семантико-синтаксические функции имеет падеж в сочетании с одушевленными существительными. Семантический объем и дистрибутивные особенности пространственных падежей в современном коми и удмуртском языках, несмотря на общность их генетического развития, различны. Поэтому, исследуя дистрибуцию местных падежей с одушевленными существительными, рассматривая их семантико-синтаксические функции, определим общее и особенное для каждого из пермских языков. Ввиду недостаточной изученности падежной семантики удмуртского и коми-пермяцкого языков представление семантико-синтаксических функций может быть неполной.

Инессив. Во всех пермских языках падеж в сочетании с существительными со значением «лицо» может выражать:

1) пространственно-посессивное значение, указывая на лицо, в пределах деятельности, владения, ведения которого что-л. находится, происходит: кз. скр. (В.) *Ол'гаын олб* 'Живет у Ольги'; скр. (Ш.) *Бат'идын*

коди олӧ? ‘У твоего отца кто живет?’ [ПСД: 71]; сс. (Ч.) *Мамысын олӧны* ‘Живут у матери’ [ССД: 31]; уд. (Косл.) *Попын варты н’ол’ рыныш* ‘У попа обмололи четыре овина’ [Сорвачева 1972: 238]; лл. (Гур.) *Сочымын ола* ‘Живу у своей сестры’ [ЛЛД: 43]; кп. *Сідз гӧститіс Митиперыс Гаврил дяддезын, топ роднӧйӧс панталісӧ и кольлалісӧ* [Федосеев 1991: 216] ‘Так гостил Митипер у дяди Гаврила, словно родного встретили и проводили’;

удм. *Бускельын улыса но ведь кылыны уг луы* ‘И в соседях ведь живя слышать ничего нельзя’ [Конева 2002: 131]; ср. *Удмуртын ули, тирэз йарати* ‘У удмуртов (в удмурте) я жил(а), с топором дружил(а)’ [ОУР 1981: 210]; сев. *соку-ай санкоос романійосын чӧш уло на вал* ‘Тогда еще семья Санко жила в одном доме (вместе) с семьей Романа’ [ОУР 1981: 127];

2) эссивное значение, указывая профессию, должность, положение в обществе: кз. скр. *Стӧрӧжын уджалӧ* ‘Работает сторожем’ [ПСД: 67]; иж. *Сылӧн бабыс рӧбитӧ чом рӧбӧт’н’ичаын* ‘Его бабушка работает работницей чума’ [ИД: 44]; уд. *Вокӧ рӧбитӧ утишит’эл’ын* ‘Брат работает учителем’ [УД: 34]; печ. *Н’ол’ во пӧкарын уджалы* ‘Черыре года я работал пекарем’ [ПД: 23]; вв. (Ст.) *Нылэй качӧгарин уджалӧ* ‘Дочь работает кочегаром’ [ВВД: 75]; нв. (Гам) *Ме ог кӧсий попад’д’аин* овны, *кӧсйа лоны саричаин* ‘Я не хочу быть попадѣй, хочу быть царицѣй’ [НВД: 40]; сс. (К.) *Мужик вӧли вӧтлӧдлӧ пӧл’шӧрын, пойӧз вылын* ‘Муж был фельдшером на поезде’ [ССД: 31]; вс. (Кб.) *Шофӧрын уджалӧ* ‘Работает шофером’ [ВСД: 68]; кп. коч. *Трактурискаын уджалӧ* ‘Работает трактористкой’; оньк. *Уджаліс куреньшикын* ‘Работал он лесорубом’ [Баталова 1975: 150-151];

удм. ср. *кӧма ужас со лапкачийын* ‘Долго работал он продавцом’ [ОУР 1990: 258]; сев. *кӧмалас’ со ужа н’и стӧрожын* ‘Он давно уже работает сторожем’ [ОУР 1981: 111].

В удорском диалекте коми языка существительные со значением «лицо» в инессиве могут реализовать также: а) посессивное значение, указывая лицо, которому принадлежит предмет или в сфере которого обнаруживается, находится предмет: уд. (Чупр.) *Йуыс’ын дас кык шайт* ‘У пьяницы двенадцать рублей’ [Сорвачева 1972: 239]; б) сравнительное значение: уд. (Важ.) *Кыкланыс айын* ‘Оба в отца’; (Лат.) *Из рӧду вӧн пӧтӧма, аб мамын н’и аб айын* ‘Из рода вышел, не в мать и не в отца’ [УД: 34].

В отдельных коми-зырянских диалектах в конструкциях с глаголами *уджавны* ‘работать’ инессив может сочетаться с названиями домашних животных, реализуя значение объекта действия, одновременно указывая на действие и объект действия: вв. *Марйа кукан’ин уджалӧ* ‘Мария ухаживает за телятами (букв. ‘работает в теленке’)’ [ВВД: 77];

Иллатив. Во всех пермских языках падеж в сочетании с существительными со значением «лицо» может выражать:

1) пространственно-посессивное значение, указывая на лицо, к которому или в пределы деятельности, владения которого направлено движение другого лица: кз. скр. (Т.) *Пырали Пӧт’ӧӧ* ‘Я заходил к Петру’;

скр. (Ш.) *Пэл'шöрад пö мэ ог н'ин мун* 'К фельдшеру, говорит, я больше не пойду' [ПСД: 70]; печ. (Тр.-П.) – *Сене-Кане, кытсьö жö ветлин?* – *Енмö кайли* (ОКЗР: 296) 'Сеня-Каня, куда же ты ходил? – К богу ходил'; уд. (Важ.) *Тöдöсьö ветлöма* 'Сходил к знахарю' [Сорвачева 1972: 246]; вв. (Вольд.) *Купэчикад öпет' көлдунад мунис* 'Купечика опять пошла к колдуну' [ВВД: 77], иж. *Сос'эдас пэтоола* 'Выйду к соседям' [ИД: 45]; кп. кк. (Чаз.) *бабэö ветлам* 'сходим к бабушке' [Дмитриева 1998: 85];

удм. (Киз.) *сэрэ кошкон нуналаз ин'и кэл'ас'кыны мынис'ком, кажнойэз öт'э, родн'айосазы но вэтло, мукэт гуртэ но* [ОРУЯ: 16] 'В день отъезда все идем провожать его, все приглашают [его]: ездят к родственникам и в другие деревни';

2) значение специальности, профессии, звания и т.п., в целях овладения которыми или которых совершается действие: скр. *Сийö учительö велöдзчöма* [ПСД: 70] кп. *Айыт ошшасьлис: учительшаö, шуö, ме сийö велöта* [Баталов 1976: 100] 'Твой отец хвастался: я ее, мол, на учительницу учу'; *Бригадирö бы Надясö пуктисö, а сия абу* [Федосеев 1991: 181] 'Надю бы бригадиром назначили, но ее нет';

удм. сев. *Геры ке секыт, писаре пыр* 'Если соха тяжела – работай писарем (букв. 'иди в писари')' [УФ 1987: 17]; ср. *сокы ик правл'э-н'имы ыстиз монэ дышэткины городэ мэкан'иза-торэ* 'Поэтому правление направило меня в город учиться на механизатора' [ОУР 1990: 46];

В коми языке с лексемами со значением «лицо» иллатив реализует также сравнительное значение: лл. (З.) *Н'инаыс чистö бат'ысö* 'Нина вся в отца' [ЛЛД: 42].

В отдельных коми-зырянских диалектах зафиксировано употребление иллатива с лексемами со значением «нелицо» в значениях 1) объекта действия, при этом сочетаемость иллатива ограничивается названиями домашних животных: вв. (Вольд.) *Кукане пыри* 'Нанялась телятницей' [ВВД: 76]; нв. (Т.-К.) *Тöлыс' мэ кол'т'ча мөскö* 'На целый месяц я остаюсь ухаживать за коровой' [НВД: 40]; 2) целево-объектном с названиями зверей, рыб: иж. (Сиз.) *Мэ урас ог вэтлы* 'Я на охоту на белок не хожу'; вв. (Вочь) *Бат'э чэриэ мунис* 'Отец ушел рыбачить (букв. 'к рыбе')' [ИД: 45; ВВД: 76].

В транслативном значении дистрибуция падежа не ограничена: он может сочетаться со всеми одушевленными существительными: кз. *Мужикöс пöртис көрö, ачыс көрö жö пöртчис, пияньясö юсьясö* [КМС: 149] 'Мужа превратила в оленя, сама тоже в оленя превратилась, а детей в лебедей'; кп. *Варя ачыс эз казаяв, кызд пöрис мамö* [Баталов 1976: 139] 'Варя даже не заметила, как стала матерью'; *Олешка вöли кык годöн томжык Олешысса, но пöрисьмис сысса чожажык и одз пöртчис старухаö* [Баталов 1976: 154] 'Олешка была на два года моложе Алеши, но постарела быстрее него и рано превратилась в старуху'.

Элатив. Во всех пермских языках падеж в сочетании с существительными со значением «лицо» может выражать:

1) пространственно-посессивное значение, указывая на лицо, от которого или от пределов деятельности, владения которого перемещается предмет: скр. (Ш.) *Öни на нывс'ис вöли локтö, а бара-н мунö* 'Он только что шел от дочери, а опять уже (к ней) идет' [ПСД: 71]; уд. (Пыс.) *Мишкаис' каас Анöй ата* 'Вот Анна идет от Миши' [Сорвачева 1972: 241];

2) значение лица, прекращающего выполнение каких-л. полномочий: кз. *Председательсьыс петис* 'перестал быть председателем'; удм. *дышетйсьыс потйз* 'перестал быть учителем' [ГСУЯ: 86].

3) пространственно-исходное значение: кз. *Вөвьясьыс висьöмыс абу на петöма* 'Из коней болезнь еще не вышла'; удм. *Вальёсьысьтым висен öз – на пот* 'Из коней моих болезнь еще не вышла' [Удморт: 43].

В коми языке элатив в сочетании с одушевленными существительными может реализовать ряд функций, которые проявляет он и в сочетании с неодушевленными существительными, среди которых:

1) значение предмета отчуждения: кз. *Лукавöйысь молитваöн мынан, омöль мортысь некыдз он мын* [КМС: 234] 'От лукавого молитвой избавившись, а от плохого человека никак';

2) значение объекта отношения: вс. (Крв.) *Мöйкö нö мамыс' таво öд'д'өн гадтöм* 'Что-то, говорит, в этом году очень скучно по матери' [ВСД: 69]; кп. гаин. *Дед-бабсис и меным шуö, отырысис стыдно* 'Он говорит, что стыдно ему перед дедом и бабушкой и перед людьми' [Баталова 1975: 151];

3) сравнительное значение: кз. *Лунын мортысь ыджыд, а войын байдöгысь дзоля* (мегыр) (Загадка) [КМС: 247] 'Днем выше человека, а ночью меньше куропатки'; кп. в.-л. *тэ томжык мамöись* 'ты моложе моей матери' [Баталова 1975: 152];

4) партитивное значение в верхнесысольском и лузско-летском диалектах: вс. (Кг.) *Мöй чипанйасс'ыс полöшитан* 'Почему пугаешь кур' [ВСД: 69]; лл. (Пор.) *Мöй бы мэ ныл'ыс витчыс'а* 'Сама не знаю, почему жду дочь' [ЛЛД: 46];

5) генитивное значение: скр. (В.) *Ми öт'и мамыс'öс', мөд-мөд бат'ыс'öс'* 'Мы от одной матери, от разных отцов' [ПСД: 68];

6) значение причины действия: сс. (К.) *Бат'ыд Вовас'ыд оз лыс' гортад мунны* 'Из-за Вовы отец не смеет идти домой' [ССД: 31]; кп. гаин. *сиа аймамсис понас горзыны* 'он из-за родителей будет плакать' [Баталова 1975: 151];

7) значение предмета речи, мысли в лузско-летском диалекте: кз. лл. (Пр.) *Öринс'ыс муйкö кыллин-ö?* 'Слышала ли ты что-нибудь об Арине'; лл. (Гур.) *Кöйинс'ыс вис'талас сийа, кöйинс'ыд уна вис'талас* 'Про волков он расскажет, про волков он много расскажет' [ЛЛД: 47].

Терминатив. Во всех пермских языках падеж в сочетании с существительными со значением «лицо» может выражать:

1) пространственно-посессивное значение, указывая на лицо, к которому или в пределы деятельности, владения которого направлено движение другого лица:

скр. (В.) *Кёд'айкаёдзыс вэтлёма, коча йагёдз* 'Он, оказывается, ездил к хозяйке, в Коччойяг' [ПСД: 71]; уд. (Катша) *Ван'аёдз вэтлыла* 'Только к Ване ходит' [Сорвачева 1972: 248].

удм. *Кытцы мынод? – Аназ-озь ветло. Анаэд-озь-а ветлод? – Анаозь* 'Куда пойдешь? – До сестры (своей) схожу (я). До сестры (твоей) что ли сходишь ты? До сестры своей' [Удморт: 35];

2) фактитивное значение, указывающее на состояние, должность до которого достигло какое-л. лицо в результате определенного действия: кз. *Кёнкё өд кывлнныд жё: армия пё велёддө путьтём зонъясёс да прамёй мортёдз вайёддө* [Безносилов 1985: 122]; кп. *Хозяинёдззас ылынкодэ эшө, уна эшө колас тшыгыявны, йёзлө уджавны* [Федосеев 1991: 44] 'До хозяина еще далеко, много еще придется голодать, работать на людей';

удм. *Эше министрöзь вуиз* 'Мой друг стал министром' [Каракулова, Каракулов 2001: 103].

В коми языке терминатив может сочетаться с лексемами со значением «лицо» и «нелицо» в пространственном значении при установлении расстояния: кз. *Месянь Ивангьясёдз вит километра* 'От меня до Ивана (дома Ивана) пять километров', *Тасянь мёсьясёдз неылын нин* 'Отсюда до коров уже недалеко'.

Аппроксиматив. Дистрибуция падежа в коми языке не ограничена: он может сочетаться со всеми одушевленными существительными: *мунны гортлань, ошлань, ёртлань* 'идти в сторону дома, медведя, товарища', *видзёддыны керкалань, мамлань, понлань* 'посмотреть в сторону дома, матери, собаки'. В работе М. К. Каракуловой, Б. И. Каракулова [2001: 103] отмечается, что и в удмуртском языке в форме аппроксиматива могут стоять все одушевленные существительные: удм. *Эше дышетйсьлань вамышитйз* 'Мой друг направился к учителю'. В удмуртских диалектах отмечается низкая частотность употребления падежа, даже в некоторых из них он полностью вышел из употребления [Кельмаков 1998: 117-118]. Однако семантика падежа предусматривает потенциальную возможность его сочетаемости со всеми существительными в определенных конструкциях, например, с глаголом *учкыны* 'посмотреть': *коркалань пунылань, дышетйсьлань учкыны* 'посмотреть в сторону дома, собаки, учителя';

Эгрессив. Дистрибуция падежа в коми языке не ограничена, одушевленные и неодушевленные существительные почти одинаково встречаются при реализации всех семантико-синтаксических функций: *мамсянь неылын* 'недалеко от матери', *батьсянь письмё* 'письмо от отца' и т.д.

Во всех пермских языках эгрессив употребляется при выражении лица, которое достигает результата в процессе какого-л. действия: кз. *Менам ёрт*

уджалысьсянь министрöдз воис, удм. *Эше рабочийысен министрöзь вуиз* 'Мой друг из рабочего до министра дошел'.

Пролатив во всех пермских языках с одушевленными существительными не зафиксирован.

Таким образом, в коми и удмуртском языках одушевленные существительные, действительно, имеют дефектные парадигмы. Они отличаются числом отсутствующих звеньев. В парадигмах склонения одушевленных существительных во всех пермских языках отсутствует пролатив, в коми-пермяцком – также терминатив II. Кроме того, различна структура парадигм отдельных лексем, а также групп лексем со значением «лицо» и «нелицо». В каждом из пермских языков больше пустых клеток в парадигмах склонения лексем со значением «нелицо». В удмуртском языке такие существительные не имеют форм инессива, иллатива, терминатива, эгрессива, приблизительноместных падежей, ограничены в употреблении с элативом, аппроксимативом. В коми языке дистрибуция лексем со значением «нелицо» значительно шире: они ограничены в употреблении только в инессиве, в сочетании с которым зафиксированы только названия некоторых домашних животных. Формы других местных падежей могут сочетаться со всеми одушевленными существительными, реализуя при этом разное количество семантико-синтаксических функций. Наибольшее число функций проявляют аппроксиматив, эгрессив, элатив. Ряд падежей в сочетании с одушевленными существительными имеют общепермские значения. Реализация элативом, инессивом, иллативом и терминативом пространственно-посессивного и эссивно-транслативного (указание на должность, профессию) значений явно свидетельствует об их прапермском, возможно, и в ряде случаев более раннем происхождении, так как формы иллатива и инессива пермских языков восходят к финно-угорскому периоду. Представляется, что первичные местные падежи, функционировавшие в прапермском языке до формирования вторичных местных падежей и послелогов, могли одинаково присоединяться к одушевленным и неодушевленным существительным. В формировании семантики падежа, его функционально-семантической парадигмы определенную роль играет дистрибуция падежа, его сочетаемость. Возможно, что в прапермский период в сочетании с одушевленными существительными со значением «лицо» местные падежи имели потенциальную возможность выражения пространственно-посессивных и посессивных отношений. В сочетании с существительными со значением «нелицо» они могли выражать объектно-целевое значение (проявляющееся в сочетании с названиями зверей и рыб) и значение объекта действия (проявляющееся в сочетании с названиями домашних животных), которые сохранились в отдельных коми диалектах. В то же время не исключается, что два последних значения могли сформироваться под влиянием прибалтийско-финских языков, так как аналогичные значения выражают внутреннеместные падежи в прибалтийско-финских языках (см.: [Хакулинен 1955: 213-214]).

Список литературы

- Архипов, Г. А.* Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка / Г. А. Архипов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1978. – С. 3-46.
- Баталов, В.* Шепъясьё рудзӧг / В. Баталов. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1976.
- Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М.: Наука, 1975. – 252 с.
- Безносиков, В.* Кӧні менам шудӧй / В. Безносиков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 240 лб.
- ВВД – Сорвачева, В. А.* Верхневычегодский диалект коми языка / В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев // Историко-филологический сборник. – Вып. 10. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. – 256 с.
- ВД – Жилина, Т. И.* Вымский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – Сыктывкар: Пролог, 1998. – 440 с.
- ВСД – Жилина, Т. И.* Верхнесысольский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – М.: Наука, 1975. – 268 с.
- ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология.* – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.
- Дмитриева, Р. П.* Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): дис. ... канд. филол. наук / Р. П. Дмитриева. – Йошкар-Ола, 1998. – 195 с.
- Емельянов, А. И.* Грамматика вотяцкого языка / А. И. Емельянов. – Л.: Изд-во Ленингр. восточн. ин-та, 1927. – 160 с.
- ИД – Сахарова, М. А.* Ижемский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.
- Карпова, Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка / Л. Карпова. – Тарту, 1997. – 224 с.
- Каракулова, М. К.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / М. К. Каракулова, Б. И. Каракулов. – Ижевск, Издательский дом «Удмуртск. университет», 2001. – 227 с.
- Кельмаков, В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.
- КМС – Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицаяс.* – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1956. – 256 лб.
- Конева, С. Г.* Значения инессива в удмуртском языке / С. Г. Конева // Пермистика - 5: сб. статей. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртск. университет», 2002. – С. 128-132.
- Кубрякова, Е. С.* Парадигма / Е. С. Кубрякова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 366.
- Кузнецова, А. И.* Дефектные парадигмы в некоторых уральских языках / А. И. Кузнецова // Тезисы секционных докладов X Международного

конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 90-91.

ЛЛД – Жилина, Т. И. Лузско-летский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

Насибуллин, Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук / Р. Ш. Насибуллин. – М., 1972. – 202 с.

Насибуллин, Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов / Р. Ш. Насибуллин // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск, 1978. – С. 86-151.

НВД – Сорвачева, В. А. Нижневычегодский диалект коми языка / В. А. Сорвачева. – М.: Наука, 1978. – 227 с.

Некрасова, Г. А. Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног: велӧдчан небӧг / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2004. – 118 с.

ОКЗР – Образцы коми-зырянской речи. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. – 311 с.

ОРУЯ – Образцы речи удмуртского языка. – Ижевск, 1982. – 176 с.

Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – 464 с.

ОУР 1981 – Кельмаков, В. К. Образцы удмуртской речи / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 300 с.

ОУР 1990 – Кельмаков, В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 368 с.

ПД – Сахарова, М. А. Печорский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 153 с.

ПСД – Жилина, Т. И. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык / Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. – М.: Наука, 1971. – 276 с.

СКЯ – Современный коми язык. Ч. I. Фонетика, Лексика, Морфология / под ред. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – 312 с.

Сорвачева, В. А. Удорский диалект коми языка. Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969-1972 гг. / В. А. Сорвачева // Архив Коми научного центра УрО РАН, ф.5, оп.2, ед.хр. 92. – Сыктывкар, 1972. – 394 с.

ССД – Колегова, Н. А. Среднесыольский диалект коми языка / Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. – М.: Наука, 1980. – 226 с.

УД – Сорвачева, В. А. Удорский диалект коми языка / В. А. Сорвачева, Л. М. Безноскова. – М.: Наука, 1990. – 283 с.

Удморт. Руководство к изучению вотского языка. – Ижевск, 1924. – 120 с.

УФ – Удмуртский фольклор. Пословицы. Афоризмы. Поговорки. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 276 с.

Федосеев, С. Кусӧм бизэ / С. Федосеев. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1991. – 302 с.

Хакулинен, Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 2. Лексикология и синтаксис / Л. Хакулинен. – М.: Иностран. лит-ра, 1955. – 292 с.